

Сенсационный дебют

Зрительный зал нового Венского театра Бург сиял огнями бесчисленных лампочек. Недавно построенное великолепное здание нового придворного театра, казалось, улыбалось, очаровывая красотой линий и украшений, и было действительно храмом искусства, достойным королевского города Габсбургов.

Чтобы соответствовать роскошному новому театру была аудитория, которая заполнила это. Элегантная толпа дам в бальных или вечерних туалетах, с бриллиантами в волосах, с веерчиками в руках, нарисованными в светлых перчатках, заполняла коробки первых трех ярусов, почти все подписывались и передавались из поколения в поколение. Это было бы как рама для элегантных дам, служивших их мужьями, отцами и братьями, в униформе различных рангов и отделов, в большинстве из которых можно было заметить какой-то особый характерный значок, такой как кусок бахромы на талии, военная форма указывает на право придти ко двору, принадлежащему клану аристократии Австро-Венгерской империи, самой гордой и старейшей в Европе.

Действительно, знаменитый венский придворный театр считался «своей» австрийской аристократией настолько, что простые смертные в скромных черных фраках всегда оставались в неизмеримом меньшинстве.

В тот вечер блестящее венское общество собралось полностью в своем любимом театре, несмотря на то, что это были уже теплые весенние дни, манящие от длинных зрительных залов к яркому, ароматному и прохладному Пратеру, под тенью цветущих каштанов и лип. Между тем в театре Бург появилась старая, известная драма Грилпарцера «Герой и Леандр».

Но в этой классической пьесе дебютировали два студента Венской консерватории, две молодые девушки, которые еще не закончили курс знаменитой театральной школы в Национальной академии художеств, но уже успели привлечь внимание публики. и строгие ценители.

Поэтому интерес венской публики понятен, когда газеты объявили о дебюте этих двух студентов консерватории в одной из самых сложных классических пьес репертуара. Несколько мест, которые оставались свободными от подписок, оказались демонтированными сразу после того, как на плакатах появилось имя дебютантки. В день показа не только верхние галереи, заполненные искренними любителями, а иногда и настоящими ценителями и ценителями драматического искусства, но даже более дорогие места первых ярусов, на которые подписаны аристократы, племенные, финансовые или художественные были заняты задолго до начала спектакля.

Любопытство было сосредоточено, главным образом, на дебютанте, сыгравшем «Героя», одну из лучших и самых трудных ролей давнего фаворита венской публики, Марту Нессели, которая играла роль так называемой «драматургии» в театре Бург для более чем десять лет.

В чисто консервативном театре, каким всегда был Венский Бург, где артисты и исполнители продвигаются и получают роли со строгой последовательностью, если не всегда за

старшинство, но, тем не менее, строго согласно таблице рейтинга, в таком театре факт появления неизвестные кому-либо консерваторы, помимо того, что они по-прежнему являются иностранцами по рождению, в такой ответственной роли, как Герой, сами по себе были необычным явлением.

Более того, они сказали, что Марта Нессели была крайне оскорблена передачей роли «короны» какому-то российскому «авантюристу». А поскольку за «нашим милым Несселем» ухаживал некий граф Богомил Родак, человек, очень близкий к интенданту королевских имперских театров, неожиданный дебют стал совершенно загадочным. Очевидно, что неизвестный консерватор был действительно выдающимся талантом, который победил все препятствия.

Так оно и было. Зрители, заполняющие аудиторию, вскоре убедились в этом.

Когда занавес поднялся, обнажая известное классически красивое украшение древнего храма с белыми мраморными колоннами, обвитыми гирляндами роскошных цветов, легкий шепот восторга пробежал по аудитории и теперь застыл. Все осторожно повернулись к сцене, потому что в этот момент должен был появиться тот русский дебютант, которого звали Ольга Бельская - во всех жилых комнатах, во всех кафе и ресторанах.

Сидя в «художественном» ящике первого яруса, красавица с голубыми глазами Марта Нессели наклонилась над барьером и устремила свой взор на боковую шторку справа, из-за которой обычно появлялся Герой.

Внезапно, неожиданно, в середине сцены разделилась тяжелая малиновая завеса, прикрывающая главный вход в храм, и на этом ярком фоне появилась высокая стройная женская фигура ...

Держась одной рукой за края белой баски, наполненной живыми розами, молодая жрица слегка подняла пурпурный занавес над головой другой рукой и на мгновение застыла на пороге портика, ослепленного ярким солнцем, льющимся сквозь нее. галереи галереи. Эта поза, это движение, вращение симпатичной головы, полуулыбка, искра задумчивых глаз - были настолько простыми, жизненными и в то же время неповторимо красивыми, что чувствительная венская публика, привыкшая ценить не только зрелищные роли и истерические крики художников, а также артистическая простота и подлинная грация позы и жеста неожиданно для себя разразились громкими аплодисментами.

Это был только момент. Затем молчание сразу восстановилось. Но в этот момент Марта Нессели покраснела и побледнела, и она с досадой откинулась на спинку стула.

А дебютантка, казалось, даже не заметила зрителей столь же неожиданно, как лестно. Медленно и спокойно она обошла сцену, настолько простую, как если бы она ходила по своей комнате, на мгновение остановившись, чтобы выпрямить цветок на статуе, увешанной гирляндой, затем отступила, восхищаясь игрой света и теней, затем уставившись в темное небо, сливающееся с огромным морем, немного видимым на расстоянии. Она говорила одновременно. Она рассказала всем известные и звучные стихи Грилпарцера, говорила

удивительно приятным, бархатным грудным голосом, завораживающим мягкостью и нежностью. Иногда в прекрасных словах поэта чувствовалось что-то прекрасное, необычное, но особенно очаровательным был едва различимый иностранный акцент, похожий на едва заметный аромат длинного пустого флакона духов.

Первое действие ничего не дает художнику. Почти не покидая сцены, Герой произносит самые простые, самые обыденные слова, сначала показывая себе, затем своим друзьям, первосвященнику и, наконец, своим родителям, как она счастлива в церкви и как она с радостью посвящает всю свою жизнь. жизнь богине.

Только в конце первого акта в душе Героя начинается нечто похожее на чувство любви, когда статуя Амура, с которой недавно благословленная жрица навсегда прощается, встречает ее взгляд восторженным взглядом молодого человека, который появился по случаю соседнего города и сошел с ума при виде молодого слуги алтаря.

Актрисе нелегко постоянно оставаться перед публикой и не утомлять ее своими движениями или однообразием выражения. Но для дебютантки этой трудности, по-видимому, не было.

Она была слишком хороша, чтобы утомлять публику своим присутствием, ее блестящая красота сразу же завоевала сердца зрителей: высокая, стройная, гибкая, в классических белых одеждах, она казалась греческой статуей, которая сошла с пьедестала. Каждое ее движение просило картину.

Этот Герой был настолько красив, что, восхищаясь им, публика почти не заметила второго дебютанта, сыгравшего второстепенную роль для Янте. Между тем Гермина Розен была почти такой же красивой, как Ольга Бельская, хотя и совсем другого типа.

Очень молодая девушка, Джермина Розен, была немного ниже Героя, но ее еще не полностью сформированная очаровательная фигура предала крайнюю слабость рук в ее юности, несмотря на ее полностью развитый лагерь. Ее темно-каштановые волосы сияли медно-красным блеском, а ее большие черные глаза казались еще больше и темнее от поразительного цвета лица, обнаруженного только у рыжих волос, чистая белизна которых смягчается нежным румянцем.

В общем, было трудно найти двух девушек более красивых, чем эти дебютантки, и когда в начале третьего акта они выходили на сцену, обнимая, тогда шепот восторга мелькнул по залу во второй раз.

Победа молодых художников была неоспоримой. Венский театр Бург был обогащен двумя новыми звездами.

К концу третьего акта это наконец-то решили не только публика, но и влиятельные представители прессы, которые в равной степени с энтузиазмом относились к оригинальному таланту Русского Героя, который сумел найти новые черты за долгое время. известная классическая роль.

Они особенно восхищались красотой и талантом дебютанток в одной из мезонинных лож, принадлежавших по подписке графу Клинскому, но переданных старому холостяку двумя англичанами, которые принесли ему рекомендательные письма от своего племянника, первого секретаря в австро- Венгерское посольство в Лондоне.

Один из англичан, лорд Дженнер, был молодым человеком лет 30, хорошо известного английского типа, жесткость которого была частично смягчена оттенком особой неанглийской живости, испускающей примесь южной крови. , Большие темные глаза лорда Дженнера выглядели менее холодными, чем его позиция подходила британцам, а улыбка его багровых чувственных губ была удивительно привлекательной.

Старый джентльмен сидел рядом с лордом Дженнером, явно преувеличивая английскую манеру удержания и одевания, возможно, с целью скрыть еврейский тип его умного, непроницаемого лица. Блеск его пронзительных глаз временами становился совершенно невыносимым, как и насмешливая, злая полуулыбка на его тонких бледных губах.

Оба лорда были в безупречном вечернем платье, украшенном коллекцией миниатюрных золотых крестиков в петлице. Они говорили по-английски друг с другом, но с примесью многих иностранных слов, с особым акцентом, делающим их разговор совершенно непонятным для людей, даже тех, кто знает английский.

«Красивая женщина», - обратился старший англичанин к своему спутнику, когда занавес упал в конце 3-го акта. - Удивительно красивая женщина! оно должно быть получено в нашем распоряжении. И второе тоже красота. Красивые женщины - такая редкость в наше время.

«Я сам думал об этом, но я не знаю, возможно ли достичь чего-либо подобного». У нас нет информации об этих женщинах. Один из них, как говорится, русский, выходец из Москвы, и это обстоятельство всегда неблагоприятно для наших целей. Что касается другого, я ничего не слышал о ней, за исключением того, что она является дочерью этой дамы в черном, и, кроме того, пользуется особым вниманием самого дорогого Альфреда Цвайфуса.

- вот как? - продолжил собеседник лорда Дженнера. - Ну, это не может помешать нашему плану, а скорее наоборот ... Однако мы можем сразу узнать все подробности о дебютантах. Подождите минутку: я вижу в округе, прямо напротив нас, на первой скамье маленького Зюса, нашего агента по драматическому классу консерватории. Я сейчас позвоню ему, и он расскажет нам все, что нас интересует.

«Но не будет ли появление этого маленького, пухлого предмета в нашей коробке ненужных разговоров?» Сказал лорд Дженнер нерешительно.

- Не забывайте, мой друг, что мы находимся в Вене, где любители театра обмениваются мнениями, не заботясь о разнице в социальном статусе. Кроме того, мы имеем в своем распоряжении авансовый депозит, в котором никто не увидит нас в сообществе этой, действительно, маленькой привлекательной еврейки ... Поэтому он уже заметил мой знак и идет к нам.

На пороге ложи появился хрупкий юноша еврейского типа, талантливый музыкант, которого несколько лет назад поместил в Венскую консерваторию богатый еврейский барон Блаустейн.

Войдя в коробку, маленький ловкий еврей быстро оглядел все углы своими черными глазами и, не видя никого незнакомца, поклонился почти до земли одному из двух джентльменов, чей быстрый жест рукой показал ему одного из тайных лидеров всех Обществ, известное как Союз Воинствующих Евреев "Или", Axion Israel International. "

«Вы соизволили приказать мне появиться», - уважительно сказал он, одновременно отвечая тем же быстрым и незаметным знаком на знак его господина: «Я к вашим услугам».

Лорд Джавид Мур нетерпеливо сказал:

«Оставь формальности, Зюс! .. Так, кажется, тебя зовут? И постарайтесь лучше ответить на наши вопросы.

«Я в вашем распоряжении», - робко пробормотал Зюс, с почтительным восторгом глядя на такого великого человека, который знал не только лицо, но даже имя такого скромного агента, как он, который не умер от голода только благодаря поддержке его известного единоверца барона Блаустейна, которого рекомендовал талантливый мальчик, раввин из далекого места в Галиции, где родился маленький Зюс, двенадцатый сын бедного разносчика.

- Итак, молодой человек, скажите, прежде всего, вы знакомы с сегодняшними дебютантами? - спросил лорд Дженнер, в свою очередь, делая знак, подтверждающий его высокое положение в тайном обществе.

- В конце концов, я училась с обоими дебютантами в одном классе, с профессором Крастелом, и я осмелюсь сказать, что мы - большие друзья и с Ольгой, и с Герминой ...

«Чем лучше, тем лучше», прервал старший собеседник. - В этом случае вы можете рассказать нам подробности об этих актрисах, их прошлом образе жизни, характере и вкусах. Говорят подробно, не боясь нас утомить мелочами. При изучении женских персонажей мелочи важнее серьезных вещей », - добавил барон Джавид, указывая на своего агента снисходительным жестом на своего агента.

«Еврейский вундеркинд» с уважением опустил на кончик стула и сказал:

- Я должен предупредить уважаемых джентльменов, что старшая из дебютантов, играющая в Героя, Бельскую, - сдержанная женщина, возможно, даже скрытная. Я знаю о ней чуть больше, чем известно всем нашим товарищам в консерватории, хотя я считаю ее любимой.

"В каком смысле?" - насмешливо спросил красавец-англичанин, измеряя презрительными глазами маленькую фигуру еврейки с непропорционально большим носом и непомерно

длинными руками и ногами.

Зюс понял значение этого презрительного взгляда.

- Называя себя фаворитом Ольги Бельской, я имела в виду только ее участие во мне, как в подруге. Ольга любит всех нас, она готова к любому сервису. Вообще, Бельская - редкая женщина в своем уме и сердце.

Женщина? - протянул Дженнер. - Или девушка?

«Женщина, - повторил Зюс, - хотя в консерваторию допускаются только девушки, поэтому она вынуждена скрывать факт своего брака». Она сделала это по просьбе профессора Мейлена. Она очень плохо говорила по-немецки, но ее необыкновенный талант заставил экзаменаторов забыть ее акцент и принять русскую актрису, которая приехала учиться в Вену.

«Значит, она уже была актрисой на своей родине?» Спросил барон Джавид.

- Как же так. Кажется, пять лет ... Сейчас ей 23 года. Я знаю, что она была замужем, но вдова или разведена с мужем.

«Однако вы должны знать, есть ли у нее средства к существованию и откуда она их берет?» - заметил лорд Дженнер.

Еврей улыбнулся.

«У нее, несомненно, есть средства и, кажется, вполне достаточно». Хотя, должен сказать по правде, она живет просто в двух меблированных комнатах со старой женщиной недалеко от театра Бург.

«Но о ней, должно быть, следили», - нетерпеливо прервал барон Джавид.

Рудольф Сиус заметно покраснел.

«Конечно, они ухаживали ... Но никто не может похвастаться ни малейшим признаком ее внимания». Она решительно не принимает никого, кроме нас, товарищей по консерватории. Все в классе любят ее. Многие положительно обожают, например Гермина Розен.

«О Розен позже», прервал барон Джавид. - Сначала расскажите нам, что вы знаете о характере этой Ольги. Она похожа на других русских дам? И, прежде всего, скажите нам, посещает ли она русскую церковь и свободна ли она от фанатизма?

Зюс засмеялся.

- Без особых приказов я не посвятил себя особому изучению характера, наклонностей и убеждений Бельской. Знаю только, что она носит золотой крестик на груди, как почти все россияне. Но она не ходит в русскую церковь - по крайней мере, в посольство - из-за страха заболеть тоской по дому.

«Ну, а как же политика?» Как этот русский относится к политологии? Возможно, эта политическая «история» изгнала этого Бельского из России?

«Я так не думаю, господин мой, - возразил Зюс, - она относится к русским революционерам с явным презрением». И здесь она не знакома ни с одним из политических ссыльных.

Умное лицо пожилого еврея нахмурилось.

- Все это не особо приятная информация. Хорошо, давайте посмотрим ... Теперь расскажите нам о втором дебютанте ... Кто она? Откуда? Какая религия, какой характер? Одним словом, скажи все, что знаешь.

Зюс улыбнулся.

«В этой девушке нет ничего загадочного ... Гермина Розен, дочь венского буржуа, родилась здесь и никогда не покидала Вену». Ее мать еврейка.

Слушатели молча смотрели друг на друга.

- та же самая девушка, Джермина, ей пятнадцать лет, еврейка, но ее воспитали так, что в таком случае она могла бы легко стать христианкой, если бы среди богатых гоим был «папочка»; в то время как роль папы играет наш знаменитый Адольф Цвайфус.

Красивое лицо лорда Дженнера было удивлено.

«Значит, эта мать ...» он быстро прервал и остановился, не зная или не желая точно выразить свои мысли.

Но Рудольф Зус понял свое молчание по-своему.

- Ее мама, все еще красивая женщина, откровенно говорит: «Пора Гермине начать работать вместо меня. Я все еще цвету, а ей уже пятнадцатый год. »

Барон Джавид улыбнулся.

«В этой девушке нет ничего загадочного ... Гермина Розен, дочь венского буржуа, родилась здесь и никогда не покидала Вену». Ее мать еврейка.

Слушатели молча смотрели друг на друга.

- та же самая девушка, Джермина, ей пятнадцать лет, еврейка, но ее воспитали так, что в таком случае она могла бы легко стать христианкой, если бы среди богатых гоим был «папочка»; в то время как роль папы играет наш знаменитый Адольф Цвайфус.

Красивое лицо лорда Дженнера было удивлено.

«Значит, эта мать ...» он быстро прервал и остановился, не зная или не желая точно выразить свои мысли.

Но Рудольф Зус понял свое молчание по-своему.

- Ее мама, все еще красивая женщина, откровенно говорит: «Пора Гермине начать работать вместо меня. Я все еще цвету, а ей уже пятнадцатый год. »

Барон Джавид улыбнулся.

- С этой девушкой тут нечего церемониться. При необходимости ее можно купить у мамы. Таким образом, она будет в нашем полном распоряжении. Спасибо за информацию, Зус. Вы хорошо выполнили поручение, данное вам высшим советом. Но ... подожди ... Скажи нам, кто мог бы познакомить нас сегодня с этой российской актрисой?

- Профессор Мейлен. Он всегда защищал ее и все еще изучает все роли с ней. Мне даже кажется, что он очень равнодушен к ней.

- Вот как ... А она?

«Она ... она не может любить старика, конечно». Но все же она очень дружит с директором нашей театральной школы. Однако, кроме профессора Мейлена, вас может завести за кулисами директор консерватории Хельмерсбергер. Не говоря уже о его превосходительстве, господин интендант.

- Хорошо спасибо. Можешь идти, Зюс ...

«Ты слышал, Джавид, что эта девушка еврейка?» - неожиданно обратился лорд Дженнер к своему собеседнику на отъезд Зюсы.

«Конечно, я слышал ... Что из этого?»

- А то, что оно принадлежит нашему народу и, следовательно, ...

«Поэтому ничто не мешает вам, мой прекрасный друг и брат, считать ее любовницей или даже женой», - насмешливо прервал старый еврей. «Я уже давно видел, что тебе нравится эта Янта, и я буду очень счастлив твоим счастьем ... Я только советую тебе не забывать, что каждый из нас обязан отдать свою любовницу, жену или дочь, в первая просьба верховного синедриона, выполнить поручение, данное ей.

Красивое лицо лорда Дженнера побледнело, и он раздраженно закусил губы.

«Это напоминание совершенно излишне, Джавид». Я знаю наши уставы не хуже, чем вы ... Но я также знаю, что дочь нашего народа избавляется от слишком постыдных инструкций ...

Барон Джавид Мур громко рассмеялся, хлопнув по плечу своего молодого собеседника.

«Это полностью кипит безрезультатно, приятель ... Пойдем лучше - давайте ближе посмотрим на этих женщин, и там мы уже решим, для чего они хороши или бесполезны, и стоит ли это хлопот».

В туалете восходящей звезды

Дебютантке был присвоен один из лучших туалетов. Спокойная и жизнерадостная, уверенная в своем успехе, Бельская бросила веселые замечания со своим довольно маленьким товаром и с пожилым джентльменом респектабельной внешности - директором театрального училища при Венской консерватории - известным профессором «эстетики», секретным советником Мейлен, бывший друг и сотрудник покойного эрцгерцога Рудольфа.

Сидя в единственном мягком кресле в туалете, тайный советник Мейлен восхищалась красивой фигурой стройной красавицы в белоснежной греческой тунике, перехваченной с пояса синим шерстяным кружевом.

Вдруг раздался легкий стук в дверь, и чей-то голос сказал поспешно и уважительно:

«Мадам Бельская, Его Превосходительство граф Хохберг хочет вас видеть».

«Сам интендант», - прошептала Янта. «Какая честь, Ольга ...»

Но Герой отреагировал на эту «честь» более спокойно.

«Входите», - сказала она, делая два шага к старику в золотистой камберленовой форме и с

красной лентой через плечо. Без малейшего признака рабства Ольга сказала:

«Я не знаю, как поблагодарить ваше превосходительство за любезность скромного новичка». Простите за неспособность предложить вам даже поздний стул в этой плохой уборной.

Граф Хохберг смотрел на знатока с обеими молодыми девушками и невольно чмокал его губы, находя их рядом еще привлекательнее, чем издалека.

- Дебютантки, как вы, мадам, в этих уборных явление случайное и даже оскорбительное. Вскоре вы получите свои собственные комнаты, убранные лучше, чем этот сарай.

Тайный советник Мейлен любезно уступил кресло вновь прибывшему «квартирмейстеру», который, тихо сидя, повернулся к «прекрасным домохозяйкам» с просьбой разрешить им встретиться с двумя «благородными иностранцами», которые приехали из Лондона и были «полностью побеждены прелести художников».

Не дожидаясь ответа, почтенный «квартирмейстер», который не допускал мысли о том, что его просьба не может быть исполнена «его» художниками, встал и отпер дверь туалета своими руками, впуская уже знакомый нам английский низко кланяясь юным красавицам.

Маленькая Джанте, очарованная красотой и вежливостью лорда Дженнера, села к ней и начала весело щебетать. Бельская попросила разрешения закончить сортировку писем и посылок, только что доставленных ей в туалет.

«Пожалуйста, пожалуйста», поспешно ответил квартирмейстер. «Таким образом, мы будем доверенными лицами ваших секретов, прекрасный Герой, и узнаем имена ваших поклонников».

Молодой художник, молча улыбаясь, развязал небольшую фарфоровую бонбоньерку, завернутую в папиросную бумагу и обвязанную лентой.

В бонбоньерке вместо конфет лежал великолепный браслет в виде золотой цепочки, застегнутый двумя большими рубинами, окруженными бриллиантами. Очаровательное лицо актрисы вспыхнуло. Резким жестом она бросила браслет на стол, но затем, немного подумав, развернула записку, лежащую на дне бонбоньерки под браслетом, и быстро пробежала по ней. Краска негодования вырвалась с ее лица; его сердитые глаза вспыхнули спокойным, слегка насмешливым выражением.

«Профессор», сказала она Мейлен. - Кажется, вы знакомы с графом Вальдензее? По крайней мере, он относится к вам ...

«Конечно, я знаю», - ответил тайный советник, с любопытством глядя на бонбоньерку и браслет. - Это очень порядочный человек и большой поклонник драматического искусства.

«Прочитай, что он мне пишет». Признаюсь, его записка примирила меня с его даром. Я считаю, что он не хотел меня обидеть и действительно послал этот браслет так же точно, как отправил бы букет цветов ... только "неувядающий" ... Но все же я не могу принять такой подарок, хотя мне бы не хотелось оскорбить человека, видимо солидного. Скажите, профессор, сколько может стоить этот браслет?

- Действительно, я не эксперт в этих вещах, но думаю, что это не дороже 800 гульденов. Это именно то, что доказывает, что мой друг не хотел вас обидеть, Ольга. При своем богатстве эта мелочь не может иметь никакого смысла. Он просто хотел, чтобы вы сохранили память о вашем первом счастливом выступлении на сцене в театре Бург.

- Если это так, я оставлю браслет на память, но я отправлю 800 гульденов в Красный Крест от имени графа; Профессор, я попрошу вас сказать вашему другу, что мои средства не позволяют мне брать такие сувениры слишком часто, и просить его не присылать мне больше «неувядающих» цветов, которые слишком дороги для моего скромного состояния.

«Решение, достойное мудрого Соломона», - сказал барон Джавид с немного заметным издевательством, в то время как красивый Герой напечатал письмо, из которого на ковер выпал кусок голубоватой бумаги.

Он был поднят графом Хохбергом, у ног которого он упал, и, осмотрев лом, он с удивлением заметил:

«Что это значит, мадемуазель Ольга?» Кто посылает вам пополам билет в 1000 гульденов? Какая глупая шутка ...

- Скажи лучше, какая наглая наглость! - сердито прошептала актриса, сжимая в своих руках толстый лист золотой почтовой бумаги, из которой стучало сильное настроение. - Представьте, ваше превосходительство, что эту половину банковского билета прислал мне барон Альфред Цвайфус с приглашением получить недостающую часть билета завтра утром в своей квартире, где он будет ждать меня на завтрак ...

- Остроумно! - улыбаясь, заметил барон Джавид.

«Вы ошибаетесь, барон!» Эта наглость не только остроумна, но даже просто глупа ... А знаете почему? Потому что я отвечу на следующее. - Актриса быстро достала лист бумаги и карандаш из открытой коробки и, поспешно написав три строчки, передала их Мейлен.

Профессор быстро пробежал по письменным строкам и, громко смеясь, прочитал следующее:

«Художница Ольга Бельская, очень тронутая любезностью барона Альфреда Цвайфуса, в равной степени огорчена неспособностью принять его любезное предложение из-за нехватки времени.

Но с другой стороны, она будет особенно рада сохранить сувенир, отправленный ей в память о нежном внимании мистера Барона. »

Общий смех приветствовал остроумный ответ молодой художницы, которая поспешно положила записку в конверт и, вызвав «комод», отправила ее передать записку привратнику для немедленной доставки по адресу.

Оба англичанина посмотрели друг на друга. Но в тот момент голос помощника режиссера напоминал о скором окончании антракта, и художник попросил «дорогих гостей» уйти, чтобы позволить ей подготовиться к четвертому акту.

- Оленька, чего мне бояться? Моя роль - нонсенс, и ваш успех уже решен.

Бельская нежно провела рукой по блестящей красноватой голове своей подруги.

«Все это так, Герми, но не забывай, что» вечер следует хвалить, когда наступает утро. »

Попрощавшись с «квартирмейстером» и директором театрального училища Мейлен, английские путешественники медленно вернулись на свои места. Оба казались вдумчивыми.

- Да, интересный человек, эта русская актриса! - заметил барон Джавид. - Умный и с характером! Это может быть очень полезно ...

«Или очень опасно ...» перебил лорд Дженнер. - Мне несравненно больше нравится другой дебютант. Это действительно ребенок, тесто, из которого можно лепить что угодно.

- Или ничего! - насмешливо вставил лорд Джавид. - Не забывайте, что тесто обладает способностью раскладываться, а все, что на нем написано, сглаживается.

«Вы можете сделать любое тесто в форме», огрызнулся Дженнер с легким разочарованием. «Тогда ваш русский герой кажется мне степной кобылой, которую нелегко одевать в выездку».

«Ну, посмотрим, приятель!» Во всяком случае, она стоит попробовать. И для этого, прежде всего, нужно доставить ее в Америку.

- Что не так просто после сегодняшнего успеха Героя. Вы видели, как восхищался его превосходительство «квартирмейстер», и пресса также хвалила российского дебютанта.

Барон Джавид пожал плечами.

- Пресса в наших руках, и, кроме того, вам никогда не приходилось решать такие задачи, как эта! Оставь это мне, приятель.

«Как вы хотите, я просто прошу вас не делать ничего с Герминой, не предупредив меня», серьезно сказал Дженнер.

«Тебе нравится эта девушка - тем лучше». В твоих руках она всегда останется в нашем распоряжении.

Черные брови лорда Дженнера двигались мрачно, но он не возражал.

В коридоре было слишком много людей, чтобы продолжать интимный разговор. И пока они достигли своей комнаты, занавес уже поднялся для четвертого действия.

Спектакль окончен. Последние аплодисменты затихли. Последние поздравления и комплименты были услышаны.

Счастливые, уставшие и взволнованные, дебютанты смывали побелку и румянец со своих довольно свежих лиц и, одетые в простые темные платья, медленно переступали порог действующей лестницы в новом Театре Бург.

За дверями их приветствовал громкий «браво» целой толпы фанатов, как обычно осаждающих артистов. Были товарищи по консерватории, журналисты и блестящие аристократы, представители военной и гражданской «золотой» молодежи, интересующиеся тем или иным художником.

В разгар восторженных приветствий Бельская села в ранее арендованную коляску и села рядом с Герминой, которую она пообещала лично отнести к своей матери, которая ушла на конец спектакля по необычно «важному вопросу».

Лошади начались. Извозчик медленно ехал среди разлуки. Цветы влетели в коляску.

<http://tl.rulate.ru/book/38660/830428>